

ОБРАЗЫ И СУДЬБЫ ПОМЕЩИЧЬЕЙ РУСИ В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ.

Вахидова Низора Абдузугуровна

*преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института;*

Ахтамова Шахзода

*студентка 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института.*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу образов и исторических судеб помещичьей Руси в творческом наследии и биографии Н. В. Гоголя. Автор исследует специфику гоголевского видения дворянского сословия как особой духовной и социальной общности, переживающей эпоху нравственного упадка и стагнации. В работе рассматривается галерея типов из поэмы «Мертвые души» — от Манилова до Плюшкина — как этапы деградации человеческой души, а также образы «старосветских помещиков», воплощающих идиллию угасающего патриархального мира. Особое внимание уделяется религиозно-нравственным исканиям Гоголя в поздний период жизни и его попыткам найти путь к возрождению помещичьего уклада через идею идеального хозяина.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, помещичья Русь, «Мертвые души», «Старосветские помещики», деградация души, патриархальный быт, духовное возрождение, Манилов, Плюшкин.

Творческая биография Николая Васильевича Гоголя неразрывно связана с осмыслением феномена помещичьей жизни, которая для него была не просто социальной реальностью, но и метафизическим пространством русской души. Выросший в атмосфере малороссийского хутора, Гоголь с детства впитал эстетику и ритм поместного быта, что позволило ему впоследствии стать самым пронизательным и беспощадным бытописателем дворянской Руси. Однако его

взгляд на помещиков никогда не был плоским: он видел в этом укладе и трогательную прелесть уходящей патриархальности, и пугающую пустоту духовного «прореха на человечестве». Исследование позволяет проследить, как Гоголь трансформирует бытовое описание в метафизическое размышление о судьбе России, где помещичья Русь становится зеркалом духовного состояния всей нации.

Стратегия Гоголя заключалась в том, чтобы через предельное внимание к деталям — к запахам, интерьерам, кулинарным пристрастиям — обнажить скрытые процессы омертвения духа, которые он считал главной трагедией своего времени. Помещичья Русь в его произведениях предстает как мир, замерший в ожидании преображения или окончательного распада. Для Гоголя судьба помещика была неразрывно связана с судьбой земли и крестьянина, и именно в этом сословии он надеялся увидеть ту силу, которая сможет стать опорой для национального возрождения. Расширение темы поместного дворянства от комических зарисовок в ранних рассказах до грандиозного философского полотна в «Мертвых душах» отражает эволюцию самого писателя, искавшего ответ на вопрос: возможна ли живая душа в мире, захваченном вещностью и апатией?

Образ помещичьей Руси у Гоголя начинается с ностальгической идиллии в повести «Старосветские помещики». Здесь автор рисует мир, максимально удаленный от тревог цивилизации, где жизнь Товстогузов сводится к бесконечному циклу гастрономических удовольствий и взаимной нежности. Гоголевская стратегия здесь двояка: он искренне любуется чистотой и простотой этих «детей природы», но в то же время подчеркивает их полную духовную неподвижность. Это «жизнь растений», лишенная высшей цели, которая, несмотря на всё свое обаяние, оказывается бессильной перед лицом смерти, обнажая хрупкость патриархального мира. В поэме «Мертвые души» Гоголь переходит к системному анализу помещичьего сословия, выстраивая иерархию духовного распада (1. 12). Первый тип в этой галерее — Манилов, воплощающий пустую мечтательность и отсутствие воли. Его усадьба — это храм бесплодных фантазий, где «беседка с плоским зеленым куполом» символизирует оторванность от реальности. Маниловщина у

Гоголя — это первая стадия омертвения души, когда доброта превращается в приторную фальшь, а жизнь подменяется бессмысленными прожеками, не ведущими ни к какому действию.

Следующим этапом деградации становится Коробочка, в образе которой Гоголь запечатлел «дубинноголовость» и ограниченность. Её мир сужен до размеров собственного сундука и хозяйственного двора. Если Манилов парит в облаках, то Коробочка намертво привязана к земле и вещам. Её стратегия жизни — накопление ради накопления, полное отсутствие интереса к чему-либо, кроме выгоды. Помещичья Русь в её лице предстает как мир мелочной корысти, где человек теряет масштаб личности, превращаясь в механического хранителя ненужного хлама (6. 63). Ноздрев представляет собой иной лик помещичьего хаоса — безудержную, бессмысленную энергию, лишенную созидательного начала. Его усадьба заброшена, а внимание разбросано между псами, картами и враньем. Гоголь показывает, что такая «широкая натура» без внутреннего стержня превращается в разрушительную силу. В образе Ноздрева автор фиксирует распад моральных норм внутри сословия, где понятия о чести и соседстве подменяются наглостью и бесшабашностью, ведущей к социальной и личной катастрофе.

Собакевич в этой системе образов олицетворяет физическую мощь и материальную крепость, лишенную малейшего признака одухотворенности. Его мир — это мир тяжелых вещей, где каждый стул словно говорит: «Я тоже Собакевич!» (2. 138). Гоголевская стратегия здесь направлена на демонстрацию цинизма: Собакевич видит в людях только их рыночную стоимость или физическую пользу. Помещичья Русь в его лице — это мощная, но грубая животная сила, которая ненавидит просвещение и видит в ближнем только препятствие или объект для обмана.

Вершиной гоголевского анализа становится Плюшкин — «прореха на человечестве». В нем процесс омертвения души достигает абсолюта: он теряет даже социальные и семейные связи, превращаясь в бесполое существо, собирающее мусор. Плюшкин — это финальная стадия скупости, которая убивает не только

чувства, но и само хозяйство. На его примере Гоголь показывает, что помещичий уклад, лишенный любви и живого общения, неизбежно ведет к полному саморазрушению, где богатый владелец тысяч душ умирает в нищете духа. Биографически Гоголь остро переживал упадок помещичьей Руси, что отразилось в его переписке и «Выбранных местах из переписки с друзьями». Во втором томе «Мертвых душ» он предпринял попытку создать образ «идеального помещика» Костанжогло. Его стратегия здесь изменилась: он хотел показать, что спасение сословия — в рациональном труде, любви к земле и христианском отношении к крестьянину (3. 56). Однако Гоголь-художник столкнулся с сопротивлением материала: живые образы «мертвых душ» оказались убедительнее, чем искусственно созданный идеал, что привело к сожжению рукописи.

Трагедия гоголевской помещичьей Руси заключается в осознании невозможности возврата к старому и страхе перед бездуховным будущим. Писатель понимал, что дворянство как правящее сословие утратило свою миссию хранителя культуры и веры. Его образы помещиков — это не сатира в чистом виде, а горький плач по человеку, который позволил «пошлости пошлого человека» овладеть своей душой. Гоголь оставил нам панораму помещичьего мира как великое предостережение о том, что любая материальная стабильность без внутреннего горения превращается в кладбище живых мертвецов.

Подводя итог, можно утверждать, что образы помещичьей Руси в творчестве Н. В. Гоголя стали фундаментом для понимания глубинных кризисов русского национального характера. Писатель сумел создать не просто социальные портреты, а вневременные архетипы человеческих слабостей и пороков. Главный философский итог гоголевского исследования заключается в том, что благополучие сословия зависит не от количества крепостных душ или плодородности земель, а от состояния души самого владельца. Помещичья Русь в его произведениях — это гигантская лаборатория духа, в которой проверяется способность человека противостоять тлену и обыденности (4. 322). Развернутое значение его творчества проявляется в том, что Гоголь первым указал на «овеществление» человека как на

главную угрозу цивилизации. Маниловщина, ноздревщина и плюшкинство стали терминами, обозначающими не только помещичьи типы, но и вечные формы душевного паралича. Гоголевская стратегия обличения через смех и слезы имела целью не разрушение сословия, а его очищение через покаяние и осознание своей ответственности. Он верил, что даже самая «омертвевшая» душа способна к воскресению, если найдет в себе силы признать свое падение. В современном контексте наследие Гоголя остается актуальным как никогда, напоминая о важности духовного стержня в человеке. Его помещики — это зеркало, в которое должен заглянуть каждый, чтобы не превратиться в «прореху на человечестве». Мы видим, что заложенные Гоголем традиции критического анализа реальности и поиска идеала продолжают питать русскую культуру. Творчество Гоголя — это вечный призыв к пробуждению души, к борьбе с внутренней пустотой, без которой невозможно создание ни крепкого хозяйства, ни великого государства. Особую роль в стратегии Гоголя играет детальное описание «вещного мира» помещичьих усадеб, который становится прямым продолжением и зеркалом душ их владельцев (5. 474). В художественном пространстве «Мертвых душ» неодушевленные предметы наделяются почти человеческими свойствами, в то время как сами помещики, напротив, утрачивают человеческий облик, срастаясь со своим бытом. Интерьер дома Собакевича с его массивной, неуклюжей мебелью или беспорядочные кучи хлама в кабинете Плюшкина — это не просто декорации, а летопись духовного оцепенения сословия. Гоголь показывает, как помещичья Русь постепенно превращается в мир мертвых вещей, которые переживают своих хозяев и замещают собой живое человеческое общение. Быт в понимании писателя перестает быть тихой гаванью и превращается в «тину мелочей», которая засасывает личность, лишая её стремления к небу и превращая жизнь помещика в бессмысленное функционирование среди накопленного имущества. Таким образом, через материальную избыточность или запустение Гоголь транслирует идею о том, что помещичий уклад без духовного содержания неизбежно вырождается в пустую оболочку, где вещи становятся важнее людей.

Список использованной литературы:

1. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952.
2. Набоков, В. В. Николай Гоголь / В. В. Набоков ; пер. с англ. Е. Голышевой. — М. : Независимая газета, 1999. — 138 с.
3. Бахтин, М. М. Рабле и Гоголь М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — М. : Художественная литература, 1975.
4. Белый, А. Мастерство Гоголя / Андрей Белый. — М. : ГИХЛ, 1934. — 322 с.
5. Манн, Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме / Ю. В. Манн. — М. : Coda, 1996. — 474 с.
6. Лотман, Ю. М. О «Хлестакове» / Ю. М. Лотман // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — М. : Просвещение, 1988.